

RU

Этническая и конфессиональная солидарность в оптике истории российского тюрко-мусульманского мира (на примере истории татар Поволжья)

Коршунова О. Н., Салимгареев М. В.

Аннотация. Цель исследования - анализ исторических контуров солидарности тюрков-мусульман России в контексте возникших перед ними вызовов. Научная новизна заключается в изучении этнической и конфессиональной солидарности мусульман тюркского происхождения в определенном регионе через методологическую призму их социокультурной адаптации к реалиям исторической действительности. Один из проблемно-тематических блоков статьи представляет история складывания пантюркизма, факторы формирования идентичности и менталитета мусульманских народов России (на примере Поволжья). В результате исследования выявлены факторы формирования идентичности и менталитета мусульманских народов Поволжья. Акцентируется внимание на исторически длительном, хотя подчас и конфликтом этноконфессиональном взаимодействии как константе отечественной цивилизации, а также на общности истории народов. Существенным фактором формирования идентичности татар-мусульман России и Поволжья была дисперсность расселения.

EN

Ethnic and Confessional Solidarity in the Russian Turkic-Muslim World History (by the Example of the Volga Tatars' History)

Korshunova O. N., Salimgareev M. V.

Abstract. The aim of the study is to analyse the historical contours of solidarity between the Muslim Turks of Russia in the context of the challenges they have faced. The scientific originality lies in studying the ethnic and confessional solidarity of the Muslims of Turkic origin in a particular region through the methodological lens of their socio-cultural adaptation to the historical reality. One of the problem-thematic blocks of the article presents the history of Pan-Turkism formation, the factors of the development of identity and mentality of the Muslim peoples of Russia (by the example of the Volga region). As a result of the study, the factors of the formation of identity and mentality of the Muslim peoples in the Volga region have been identified. Attention is focused on the historically long, although sometimes conflict, ethno-confessional interaction as a constant of national civilization, as well as on common history of peoples. Dispersion of settlement was a significant factor in the formation of identity of the Muslim Tatars in Russia and in the Volga region.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмыслить конституирование внешне мозаичной Российской цивилизации в режиме потенциала этнической и конфессиональной солидарности тюрко-мусульманского мира. Для тюрко-татар Поволжья ислам служил способом сохранения этнической самостоятельности, интегратором специфических черт самобытности местных традиций и культуры. Перед российскими мусульманами с конца XIX века обозначился вызов надвигающейся интернационализации и стандартизации социокультурных практик с одной стороны и проблема пребывания в лоне российской цивилизационной традиции с ее историко-культурной практикой интеграции с другой. Возникает вопрос об исторических корнях, рисках и созидательном потенциале этноконфессиональной солидарности.

Солидарность выступает совокупностью разнообразных аспектов социального единства, включающей консолидацию интересов, убеждений, ценностей и действий, на основании которых образуется культурное и психологическое пространство целостности. Фокус социальной реальности формируется под воздействием ряда

факторов, наличие и согласованность которых может определять историческую эволюцию и динамику солидаристского потенциала общества и его отдельных групп. Солидаристский потенциал не осознается обществом, поскольку находится в глубинах коллективного и индивидуального бессознательного. Это нацеливает на выявление, с одной стороны, несущих стропил солидаристской идеологии и, с другой стороны, солидаристских паттернов индивидуальной психики. На уровне психики солидарность обнаруживается через комплекс чувств, на уровне сознания единство определяется посредством осознания единства этнического происхождения, идеалов, убеждений, в том числе религиозных.

Задачами работы являются: анализ методологических доминант этнической и религиозной солидарности; исследование исторических путей формирования элементов коллективной идентичности тюркок-мусульман России.

Теоретическая база. Концепцию солидарности со времен Э. Дюркгейма активно разрабатывают представители социологии (Солидарность и конфликты... 2018; Пигалев, Сивков, Макаров и др. 2008), где накоплен внушительный массив различных исследований и подходов. Попытки концептуализировать и развить это понятие на своем исследовательском поле предпринимают философы (Ивашук, 2019, с. 41), политологи (Депенхойер, 2005), правоведы (Алебастрова, 2016). Однако следует признать, что в исторической литературе проблемы этнической и конфессиональной солидарности не рассматриваются как смыслополагающие векторы сюжетов межконфессионального и межэтнического взаимодействия.

В методологическом ядре заявленной проблемы важен постулат о том, что всякая солидарность возникает и внутри культурного пространства как коллективное проявление ментальности, и внутри психики отдельного человека и социальной группы, к которой он себя относит. Категория «культурное пространство» восходит к идеям «социального пространства» П. Бурдьё (2005). Можно отметить, что данное понятие получило развитие в работах А. Шюца (2004), Э. Гидденса (2003), И. Арзуманова (2009) и др., зафиксировавших узловые для нас методологические понятия и обосновавших соизмерения этноконфессионального и культурного пространств.

Основная часть

В современной ситуации возросшего конфликтного потенциала этнорелигиозных процессов обозначилась необходимость методологического анализа солидаризационных механизмов прошлого на стыке этничности и конфессиональности. Актуальной стала тенденция превращения политизированного исламизма и этноцентризма в реальную угрозу, что усиливает интерес к историческому контексту соотношения этнической и конфессиональной солидарности.

Приемлемой представляется этнологическая установка, что национальное сознание – это мобилизованная коллективная память, оформленная историками как «история народа». Общеразделяемая версия прошлого является фундаментальным ресурсом консолидации этнической группы и часто одним из базовых аргументов при формулировке тех или иных требований или претензий. Вера в «историческую правоту» у членов группы обычно сильна (история депортированных народов, народов, подверженных геноциду).

Важно обратить внимание на то, что если этническая идентичность полностью совпадает по своим социальным контурам, то конфессиональная идентичность относится не только к социальной сфере. Она включает сакральное пространство. Разумеется, возможна нерелигиозная трактовка сакрального как основы человеческого бытия, его коллективистской (традиционной) сущности. Однако выделим максимуму культурологии, что всякая культура в принципе нуждается в сакральном, священном (Федотова, 2012). Синтез этнической и конфессиональной идентичности вносит в функционирование исторической памяти дополнительные, внешне не очевидные компоненты.

В этом смысле важными для этноконфессиональной солидарности можно считать, во-первых, степень урбанизации как спутника модернизации в ее социальной ипостаси, во-вторых, роль интеллектуального фактора идеологии движения, в-третьих, фактор лидерства. Мы согласны с мнением А. Ахиезера (1994), полагающего, что «для города, идущего от традиционализма к господству либерализма, характерна способность изменять социальные, организационные отношения в соответствии со стремлением повысить эффективность любой из форм деятельности» (с. 23). Логический переход от урбанизации к городу состоит в том, что в обществе закономерно возникает возникновение социокультурных прогрессивных инноваций.

Города в Новое время становятся движущей силой либеральной цивилизации. Растет разнообразие фокусов. Открытость города необходима для выхода за рамки сложившихся отношений, культурных норм и ценностей, форм деятельности, для преодоления ограниченности форм собственного воспроизводства. Степень и уровень урбанизации служат коррелятом этнической солидарности. Городским тюркско-мусульманским средневековым государством была Волжская Булгария, и это обстоятельство существенно повлияло на социокультурные и этнические характеристики поволжских татар. На определенном этапе социально-экономического и культурного развития город с его образовательными центрами и органами печати служит оплотом открытости идеям и местом консолидации интеллигенции. Интеллигенция посредством солидаристских лозунгов воздействует на стереотипы поведения и мышления. Вспомним: одними из первых идею объединения тюркских народов выдвинули известные татарские интеллигенты-просветители Исмаил Гаспринский и Юсуф Акчура.

Идеолог светского тюркизма, политик и издатель Исмаил Гаспринский (1851-1914) предложил собственную трактовку общности тюркских народов по критерию принадлежности к исламу. Введенное им в 1881 г. понятие «русские мусульмане» отразило лейтмотив-тезис о тюрко-мусульманах России как культурной

целостности. Вопрос о присоединении России «северных восточных мусульман» он считал решенным бесповоротно. «Близкое, деятельное и сочувственное приобщение к общей русской отечественной жизни» просветитель считал отвечающим интересам прогресса мусульманских народов страны, относя к числу препятствий к осознанию этой мысли лишь «незнание, непонимание и недоразумение» (Гаспринский, 1993, с. 27, 36).

Исторической фактурой формирования этнической и религиозной солидарности являются контакты с инокультурной средой. Этнос и конфессия как дискурсивные области генерируют культурную идентификацию в диапазоне «свой – чужой». Это реакция на усложняющиеся условия этноконфессионального взаимодействия. Этническая и конфессиональная консолидация в ситуации контакта усиливается, ведь в пространстве воображаемых значений социального дискурса катализируются компоненты культурных конвенций, в основе которых лежит интуитивное понимание общего поля смыслов, разделяемых большинством членов группы (Stark, 1984).

Пространством экзогенных солидаризационных процессов, интегрирующих этносы в единую нацию, представляется ментальность – общее умственное настроение, внутри которого реализуются психические конструкции, позволяющие каждому члену сообщества индивидуализировать представление о себе и окружении. В процессе формирования консолидирующих этнических доминант, включая этнопсихологические особенности, может формироваться определенное политическое единение, чему способствует фактор просвещения.

Исламская коммунальная идентичность, по версии западных исследователей, оформлялась последствиями русского доминирования, причем исторической точкой отсчета такой идентичности было болгарское государство, к которому возводят истоки генезиса мусульманского сообщества (Frank, Park, 1996). Последующие этапы отечественной государственности стали свидетелями перемен цивилизационного порядка на территории крупнейшей полиэтничной империи.

Как известно, этническая и конфессиональная солидарность в дореволюционной России формировалась параллельно расширению территории, в процессе которой отдельные исследователи выделяют этапы аннексии, колонизации, интеграции. Отметим, что предложенная схема «работает» не на всех этапах истории. Так, присоединение Сибири увенчивало этап «вольной» колонизации, а предпосылки интеграции в Поволжье складывались в доимперский период. Процесс вхождения в Россию мусульманских народов исторически связан с присоединением территорий Золотой Орды – некогда одного из самых грозных и непредсказуемых врагов России. После присоединения к России Казанского, Астраханского, Сибирского, Крымского ханства та же участь ожидала мусульманские народы других регионов. Несмотря на сопротивление мусульман Северного Кавказа, они в итоге покорились и признали власть русского царя, что стало для них этапом освобождения от многих пережитков варварства.

В этой связи Г. П. Федотов (1991) обобщает: «В странах ислама, привыкших к деспотизму местных эмиров и ханов, русские самодуры и взяточники были не страшны. В России никого не сажали на кол... В самих приемах русской власти, в ее патриархальном деспотизме, было нечто родственное государственной школе Востока, но смягченное, германизированное. И у русских не было того высокомерного сознания высшей расы, которое губило плоды просвещенной и гуманной английской администрации в Индии, русские не только легко общались, но и сливались кровью со своими подданными, открывая их аристократии доступ к военной и административной карьере» (с. 319).

Эти обстоятельства позволяли исламским народам находить социально-психологические и политические пути и способы взаимодействия с новой политической властью в новых социокультурных реалиях. В результате этнически самобытное мусульманское сообщество обрело новые исторические основания в культурно-генетическом коде российской цивилизации. Соответственно, обновился и его солидаристский потенциал. Последний определяется вековыми алгоритмами встречи Европы и Азии, западных и восточных компонентов, централизаторских и местных региональных начал организации сосуществования и взаимодействия этносов. Указанная тенденция ярко проявилась в эпоху «Смутного времени», когда мусульмане Поволжья, сохранявшие историческую память о государственной независимости Казанского ханства, не только не отказываются от власти московских царей, но и вместе с другими народами солидаризируются под знаменами Минина и Пожарского.

Это отчасти можно объяснить изначальными установками на мягкую конфессиональную политику. Архиепископу Гурию, прибывшему в покоренную Казань, Москва предписывала: «Страхом к крещению отнюдь не проводить, а проводить только лаской» (Лутцев, 2012, с. 90). Принятие православия хотя и служило элементом утраты связи с прежней конфессией и могло восприниматься мусульманами как греховное действие, влекущее социальные последствия, снимало ограничения и способствовало более быстрому инкорпорированию подданных в новые политические структуры. Это не означало отсутствия почвы для конфликтов. Конфессиональный террор проходил по Поволжью волнообразно и этапами. Отдельным сюжетом стали известные перипетии и драматические события, связанные с деятельностью епископа Белгородского и Обоянского Луки Конашевича и возглавляемой им Новокрещенской конторы в первой половине XVIII века. Положение нерусского населения первые столетия после завоевания Казанского ханства мало отличалась от массы всего населения края.

Его невыгодное положение было прежде всего с разностью языка и веры. Так, татары Старой и Новой слобод Казани в наказе депутату С. Х. Хальфину, напоминая об услугах и верности московским властям в делах службы, в то же время жаловались, что «разных чинов люди крайне употребляют нам о законе и о пороке нашем, таже во времени богомолия нашего ругательные слова и тем причиняют нам крайнюю обиду» (Коршунова, 2000, с. 63). Очередная волна проявления религиозной солидарности татар-мусульман как ответ на тенденции политики христианизации во второй половине XIX столетия стала нарастать по мере отпадения в ислам крещенных. В этой связи одним из первых о восприятии ислама как «мусульманского

вопроса» заговорил миссионер-востоковед Н. И. Ильминский, известный как составитель алфавитов на базе русской графики для народностей края и тем, что организовал процесс христианского просвещения на родном для нерусских народов языке.

Чтобы представить противоречивость картины, надо обратиться и к источникам, датированным XIX веком, которые отмечают лояльность поволжских татар властям. Татарам, читаем мы в еженедельнике Симбирска, Самары, Саратова и Казани «Волжский вестник» за 1871 год, «свойственно врожденное им чувство порядка и уважение к властям. Татары в высшей степени консервативны и обладают качествами, которые упрочняют общественное их благосостояние. Между татарами есть солидарность, основанная на одинаковой для всех фанатической потребности религиозных обрядов» (Коршунова, 2000, с. 64). Более того, верность традициям и вере предков зачастую не препятствовала достижению высокого социального положения. Российское государство в лице его наиболее дальновидных предстателей всегда было озабочено проблемой солидаризации мусульманской элиты на благо важнейших общенациональных проектов, и историческая практика доказывает правильность такого выбора и для современных реалий (Лутцев, 2012, с. 82).

Мусульманский мир России в начале XX века пережил искусы панисламизма и пантюркизма, но эти интенции не увенчались тогда серьезным успехом. Однако в период российских революций национальный вопрос для тюрко-татар Поволжья обрел актуальность в такой степени, что «Особое совещание по делам веротерпимости», созданное в порядке реализации Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., исходило из допущения, что поволжские татары нацеливаются на то, чтобы «отатарить весь русско-мусульманский мир» (Особое совещание по мусульманским делам..., 2011, с. 39). Несмотря на конфессиональную солидарность русских мусульман с Турцией в ее столкновении с балканскими государствами, мусульмане в начале XX века в своей массе сохранили лояльность России. Специфика тюркского вектора консолидации связана была, по оценке Особого совещания 1914 г., с движением пантатаризма. Оно набирало силу не без влияния идей и доктрин, инфильтрованных из Турции, и предполагало идейное главенство татар на почве не только религии, но и мнимого племенного единства (тюркского) и искусственного тюрко-татарского языка. Движение было нацелено не только на мусульман, но и на язычников, на принявших христианство, но не окрепших в нем (Особое совещание по мусульманским делам..., 2011, с. 40-41).

Принципиально важной для этнической и конфессиональной солидарности татар, в том числе проживавших в Поволжье, была дисперсность расселения. Более или менее компактными группами татары проживали в 19 губерниях из 30. Почти две трети общей численности татарского населения (всего около 2 млн человек к началу XX века) проживали в Казанской, Уфимской и Самарской губерниях. Ни в одной губернии они не были ни относительным, ни абсолютным большинством. Сохранению самобытности уклада и консолидации способствовала относительная замкнутость сельского сегмента татар, составлявшего 96% татар. Однако по мере интенсификации миграционных процессов как составляющей модернизации активизировались и изменили вектор межэтнические коммуникации. В религиозной сфере это воплотилось в тенденции ослабления среднеазиатского влияния как следствия социально-экономических сдвигов и коллизий истории отечественного многонационального сообщества.

Структурные политические и социальные изменения в начальные годы советской власти проходили под знаменем слома угнетающей народы традиции самодержавия. Однако последующие события привели к смущению мусульман, которым под лозунгом права наций на самоопределение вначале обещали национально-культурную автономию, на что они с большим энтузиазмом откликнулись. Советский эксперимент и социалистический формат солидарности требует специального внимания. Отметим лишь, что в процессе реализации социалистической государственности и интернациональной идентичности как искусственной надэтнической, надконфессиональной конструкции сходный символический капитал (язык, традиции, символы конфессиональной общности) сохранился и сегодня составляет основу солидаризационной практики современных мусульман России.

Заключение

Этноконфессиональное взаимодействие являет собой константу цивилизации как сложнейшего социокультурного организма. Оно неотделимо от прошлого России, выступая системообразующим началом. Российским народам известен опыт антагонистического, конфликтного взаимодействия с властями и иными конфессиями, равно как и опыт, отвечающий принципам взаимного уважения.

Поволжье в этом отношении выделяется пестротой этноконфессионального состава населения и колебательными ритмами отношений на разных этапах истории. Очевидно, что опыт мирного сосуществования этносов как результат вековых контактов в полиэтноконфессиональном пространстве российского государства выступает важным фактором формирования идентичности и менталитета мусульман Поволжья. Для них общность истории с другими народами, в том числе истории социальной с ее коллизиями и трагедиями, обусловила определенный «запас прочности» на уровне ментальных конструкций, социальных установок, легших в основу солидаризационного потенциала межконфессионального и межэтнического сосуществования, переходящего в режим сотрудничества, подчас трансформируясь в симбиоз. Существенным фактором формирования идентичности татар-мусульман России и Поволжья была дисперсность расселения.

Проблемы религиозной идентичности на рубеже XIX-XX вв. выдвигаются на политическую авансцену, сопровождаясь интересом к пантюркизму, имевшему в регионе особенности. Идеи светского тюркизма

И. Гаспринского, популярные в интеллигентских кругах поволжских мусульман, базировались на убеждении, что союз с Россией задает вектор движения по пути цивилизации, образования и прогресса. Идеи благотворности сближения с Россией русских мусульман, деятельного приобщения к русской отечественной жизни как отвечающего интересам мусульманских народов страны вектора развития предопределили принципиальные лозунги мусульманских политических движений в национальном вопросе в начале XX века.

Постоянно изменяющийся вектор современности делает проблему анализа исторической специфики контактов этнических сообществ и конфессий неисчерпаемой для методологических и исторических исследований. Например, одним из интересных аспектов может быть вопрос о динамике изменения параметров этнической составляющей социальной напряженности в их связи с межконфессиональными контактами.

Источники | References

1. Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М.: Проспект, 2016.
2. Арзуманов И. А. «Религиозное пространство» и «пространство религиозной культуры» - опыт культурно-методологической стратификации // Вопросы культурологии. 2009. № 5.
3. Ахиезер А. С. Город как фокус урбанизационного процесса // Земство. 1994. № 2.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005.
5. Гаспринский И. Б. Россия и Восток. Казань: Фонд Жиен, 1993.
6. Гидденс Э. Устройство общества. М.: Академический проект, 2003.
7. Депенхойер О. Не все люди будут братья // Миронова Д., Погорельская С. Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005.
8. Иващук О. Ф. Государство как инструмент солидарности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 1.
9. Коршунова О. Н. Взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья в Новое время: исторический аспект. Чебоксары: Клио, 2000.
10. Лутцев М. В. Империя как фактор существования наций (на примере России) // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском политическом пространстве: исторический опыт и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Оренбург, 16 декабря 2011 г.). Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012.
11. Особое совещание по мусульманским делам 1914 года. Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.
12. Солидарность и конфликты в современном обществе // XII Ковалевские чтения: материалы научной конференции (г. Санкт-Петербург, 15-17 ноября 2018 г.) / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018.
13. Пигалев А. И., Сивков Д. Ю., Макаров А. И. и др. Среды. Очерки по теории солидарности / под общ. ред. А. И. Макарова, Ю. Ю. Вегютнева. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2008.
14. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2-х т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
15. Федотова Н. Н. Диалог как понимание идентичности другого // Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева (г. Баку, 23-30 июня, 2010 г.). М.: Канон+, 2012.
16. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.; сост.: Н. М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
17. Frank A., Park T. The development regional identity in imperial Russia // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18 to the early 20 centuries. Berlin, 1996.
18. Stark R. Sociology. 3rd ed. Belmont: Wadsworth Publishing, 1984.

Информация об авторах | Author information

Коршунова Ольга Николаевна¹, д. ист. н.

Салимгареев Максим Владимирович², к. ист. н.

^{1,2} Казанский национальный исследовательский технологический университет

Korshunova Olga Nikolayevna¹, Dr

Salimgareev Maxim Vladimirovich², PhD

^{1,2} Kazan National Research University of Technology

¹ felix_kor@mail.ru, ² msalimga.dis@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): конфессия; солидарность; идентичность; пантюркизм; татары; confession; solidarity; identity; pan-Turkism; the Tatars.